

Ю. БУЙСЬКИХ. «Колись русалки по землі ходили...» Жіночі образи української міфології. Харків, 2018. 320 с.

Ю. БУЙСКИХ. «Когда-то русалки по земле ходили...» Женские образы украинской мифологии

DOI: 10.31857/S0869544X0004209-2

Книга этнолога и антрополога Ю. Буйских представляет читателю чрезвычайно интересный срез украинской традиционной культуры — систему народных представлений о женских мифологических персонажах и персонажах, наделенных сверхъестественными (магическими) способностями. Это издание — ценный вклад в прикладную антропологию, этнолингвистику и фольклористику, поскольку не только содержит комплексный анализ системы мифологических персонажей, мифологической лексики и народных поверий, но и показывает динамику и трансформацию традиционных представлений и текстов, их отражающих.

Издание определено самим автором как научно-популярное, но являет собой вполне академическое сочинение, где доступным языком на интересных примерах представлен широкий круг народных верований украинцев, показана преемственность и живучесть традиции. В основе исследования лежит кандидатская диссертация автора (2010) [1], дополненная новым эмпирическим материалом.

В книге представлены обобщенные описания мифологических персонажей (на основе работ по украинской народной мифологии, многие из которых вошли в классический фонд украинской фольклористики и этнографии — это труды М. Васильева, Ф. Вовка, В. Милорадовича, Б. Гринченко, П. Иванова, В. Кравченко, В. Гнатюка, П. Чубинского и др.),

характерные же региональные черты выявлены за счет привлечения богатого полевого материала, собранного автором в период экспедиционных исследований 2007–2015 гг., охвативших практически все области Украины (Черкасская, Волынская, Ровненская, Житомирская, Киевская, Хмельницкая, Донецкая, Запорожская, Ивано-Франковская, Черновицкая, Херсонская, Николаевская, Одесская и Автономная Республика Крым). Особое место среди обследованных историко-культурных регионов занимает украинское Полесье, что дает возможность сопоставить материал, вводимый автором в научный оборот, с уже имеющимися фундаментальными публикациями полесского фольклора, посвященного персонажам низшей мифологии (см., например, [2]).

Особо отметим, что автор широко использует уникальные архивные материалы (из фондов Института рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского, Отдела рукописей Львовской национальной научной библиотеки им. В. Стефаника, Научного архива Института археологии НАН Украины, Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Ф. Рыльского НАН Украины), собранные в середине XIX — середине XX в.

Предметом внимания в книге оказались наиболее распространенные в общеукраинской традиции женские мифологические персонажи — и в этом принципиальная

позиция автора (см. с. 111), поставившего цель познакомить читателя с женским пантеоном украинской народной мифологии (народной демонологии). Тем не менее, региональные представители низшей мифологии все же присутствуют — это касается в первую очередь привлекаемого Ю. Буйских карпатского материала, который составляет особый пласт в общеукраинской мифологической традиции и дает чрезвычайно интересную терминологию (например, *опириця* как локальный вариант ведьмы и женская ипостась упыря, с. 156; *перелесниця* как женская ипостась змея, с. 162).

Анализ образов женских мифологических персонажей, имеющих человеческое происхождение, и демонических существ проводится с опорой на разработанную в конце 1980-х годов в рамках Московской этнолингвистической школы и широко используемую в фольклористике схему описания мифологических персонажей (с. 94–95), что дает возможность не только представить украинский материал на фоне других славянских традиций, но и показать его характерные отличия.

Фольклорные нарративы о мифологических персонажах анализируются в рамках магическо-мифологического дискурса — в непосредственной связи текстов с магическими, целительскими и народно-религиозными практиками, с широким кругом верований, на которых базируется фольклорно-мифологическая картина мира (с. 216–217). Особо отмечается автором эвристическая ценность комплексного исследования мифологических верований и явлений социальной действительности, нацеленного на поиск новых решений для адекватного и непредвзятого изучения фактов народной культуры (с. 218). В связи с этим вполне оправдано включение в научно-популярный текст рассуждений о позиции антрополога, занимающегося изучением языка культуры; согласно позиции автора, суть антропологической интерпретации материала заключается в том, что исследование является не «реконструкцией», а «прочтением», поскольку народная культура для ее носителей является «текстом символов»; стратегия исследователя состоит в том, чтобы научиться читать этот текст на языке носителя, а впоследствии переложить полученную информацию на язык науки, полностью и без искажений сохраняя ее смысл (с. 218–219).

Первый раздел книги — «Между этнографической действительностью и кабинетным вымыслом» (с. 13–76) — представляет собой, с одной стороны, обзор кабинетной и «романтической» украинской мифологии, а с другой — попытку познакомить широкого читателя с наиболее значимыми концептами, используемыми в современной науке для описания явлений, связанных с народной верой в сверхъестественное.

Особый интерес представляют сведения о псевдонаучном мифотворчестве 1990-х годов, когда на волне национального романтизма и попыток сформировать «настоящую» славянскую мифологию расцвели поиски «исконных» славянских древностей и на читателя обрушился вал публикаций о «древних» божествах и святынях. Учитывая чрезвычайную популярность темы славянских народных верований и обилие околонуточных публикаций на эту тему, появившихся в последние десятилетия, отметим полезный не только для специалистов, но и для широкого читателя обзор понятий и терминов (с. 51–73), таких, как «двоеверие», «низшая мифология», «народное христианство», «народная религия», а также популярных в современной социокультурной антропологии терминов «живая/переживаемая религия/религиозность» (ср. англ. *lived religion*) применительно к народной духовной культуре славян.

Однако и в украинской академической среде, как показывает автор, с 1990-х годов отмечается популярность мифа про исключительную архаичность только сельской культуры (с. 48). Но если ученый принимает эту позицию, то для него неминуемо сужается круг объектов изучения и традиции отказывается в развитии — в то время как на самом деле традиционная культура переживает перманентные трансформационные процессы, включая в себя новые формы старых жанров и порождая новые, что отмечали еще исследователи конца XIX в., например Н. Сумцов и А. Онищук (с. 48–49). Ю. Буйских, опираясь на обширный эмпирический материал, справедливо отмечает, что некорректно говорить про «смерть», «исчезновение», «утрату», «деформацию» или «деградацию» традиции — перед нами ее «видоизменение»: культура, будучи живым организмом, инкорпорирует то, что ей близко и что может функционировать в ее структуре, отвечает на вызовы времени (с. 57). Тем не менее, следует

принимать во внимание, что украинское общество в настоящий момент своего развития переживает очередной виток «архаичного синдрома» (с. 74), когда в поисках стабильности обостряется потребность прильнуть к корням, осознать уникальность национальной культуры, узнать про «давние» обычаи и традиции. Именно поэтому, наряду с процессами романтизации «национальных древностей», исследователь сталкивается с явлением вторичной фольклоризации (с. 51) в форме внедрения элементов традиционной культуры в образовательный и культурно-массовый контекст (массовое обучение колядованию, формирование репертуара фольклорных самодеятельных коллективов из неких общих «показательных» текстов и т.п., учебные пособия по «народоведению»). Активизировался и обратный процесс, когда городская культура поставляет материал для новаций — об этом говорит, в частности, зафиксированное фольклористами включение в тексты традиционных былических строф из популярных песен или классической поэзии (с. 55).

В этом контексте чрезвычайно важна грамотная техника опросов при сборе материала, позволяющая отделить исконно традиционное от привнесенного, что необходимо для полноценного описания системы народных верований (с. 53).

Ценность вводного раздела книги состоит в том, что он помогает составить представление о современных методах и подходах в изучении традиционной культуры и народных верований, ориентироваться в обширном массиве источников.

Истории изучения мифологических представлений в разных регионах Украины и добротному обзору фольклорно-этнографических источников посвящен второй раздел книги (с. 77–109). Помимо этого, автор приводит обзор попыток классификации украинских мифологических персонажей, которые предпринимались этнографами и фольклористами начиная с 1870-х годов. В связи с историографией вопроса хотелось бы отметить, что корректнее было бы в авторском тексте (а не только в библиографических ссылках) приводить все названия изданий на языке оригинала, чтобы избежать недоразумений. В XIX в. многие издания, посвященные украинскому фольклору и народным верованиям и содержащие ценный аутентичный материал, издавались по-русски. Таков, например,

ставший классикой для славистов журнал «Киевская старина», выходивший в 1882–1906 гг. Когда на страницах книги он упоминается как «Київська старовина» (т.е. в переводе на украинский язык), это порождает двусмысленность, ведь под украинским названием и на украинском языке этот журнал был возрожден только в 1992 г., и по отношению к «предку» «наследник» являет собой уже совсем иное издание.

Третий, самый обширный, раздел книги посвящен собственно женским образам украинской низшей мифологии (с. 110–219). В соответствии со схемой описания мифологических персонажей автор рассматривает сначала персонажи, имеющие человеческое происхождение (люди со сверхъестественными способностями: баба-повитуха, знахарка/шептуха/ворожка, облакопрогонники; полудемонические персонажи: ведьма, чаровница; «заложные» покойники и русалки), а затем обращается к персонифицированным образам (Душа, Доля, Смерть, Холера, Чума, Лихорадка, Пятница, Среда, Неделя). Отметим зафиксированную автором богатую украинскую мифологическую терминологию (номинации «знающих» людей — с. 118–124, ведьм — с. 138, 142, 149). Подробно говорится также о социальной роли и месте «знающего» в традиционном обществе (с. 126–127, 130), и в этом плане исследование Ю. Буйских во многом дополняет работы российского антрополога О.Б. Христофоровой [3]. Исследование Ю. Буйских опирается на работы предшественников, специально разрабатывавших «женскую тему» в украинском фольклоре и традиционной культуре (О. Кись, О. Боряк, К. Воробец). Поскольку значительную часть полевого материала, представленного в книге, составляют данные из украинского Полесья (Ю. Буйских проводила экспедиционные исследования в Волынской, Житомирской, Ровненской областях в 2008–2012 гг.), было бы также уместно соотнести материал автора с более ранними работами о полесской «женской» традиции (в частности, о повитухах) [4. С. 69–116].

Последовательно придерживаясь принципа рассмотрения фольклора о мифологических персонажах в контексте магическо-мифологического дискурса (см. выше), автор комплексно анализирует устные свидетельства о «знающих» и их восприятие носителями традиции (с упором

на осознание социальной роли знахарки, ведьмы и др. и рефлексию рассказчиков по этому поводу). Так, особый статус шептухи (по сравнению со знахаркой) выявляется в речениях типа «вона з Богом шепче́ться» (с. 123), сами же магические специалисты также проводят различия между собой: шептуха утверждает, что «мі Бога просим», а знахари «людям погане, зло роблять» (с. 124). Значимым на оценочной шкале способностей «знающего» оказывается его принадлежность к категории «чужих». В записанном в Крыму рассказе шептухи (сама она определила себя как «греко-украинка») особо подчеркивается, что ее бабушка-гречанка использовала в своей практике греческие молитвы и обладала редкой способностью «перерізати вихор» при помощи столового ножа и топора (с. 129–130).

Сравнение материалов из «золотого фонда» украинской этнографии с современными полевыми материалами показывает поразительную устойчивость (на протяжении более ста лет!) ритуальных практик и их вербальных мотивировок. По свидетельству П. Ефименко, во второй половине XIX в. на Левобережной Украине в гроб повитухе клали палку, а на пояс привязывали узелок с маком, потому что верили — на том свете умершие дети, которых она принимала, нападут на нее, чтобы растерзать за то, что она помогла им появиться на свет, но не спасла их жизни; повитуха отбивается от них палкой и бросает им маковые зерна — пока те собирают мак, повитуха убегает. Аналогичный рассказ о том, что в гроб бабе-повитухе клали мешочек с маком, чтобы на том свете она могла «отцепиться» от своих «внуков», был записан в Черкасской области в 1974 г. (с. 117). Также показательна динамика представлений и поверий о русалках (с. 187–189); анализируя фольклорные тексты, автор показывает, что когда образ мифологического персонажа со временем лишается некоторых деталей (и, соответственно, распадается мифологический нарратив), представления о персонаже сохраняются в основном на уровне запретов (например, русалки как персонажи-устрашители детей).

Отметим, что при анализе персонажного ряда не всегда соблюдается «женский» принцип, поскольку во многих случаях невозможно представить некоторых женских персонажей без связи с их мужскими аналогами (таковы «заложные» покойники /

самоубийцы, с. 162; «ходячие» покойники, с. 149, 151–152; некрещенные дети, с. 152; упыри, с. 153–156; «двоедушники», с. 157–159); это свидетельствует о том, что для некоторых персонажей низшей мифологии гендерный аспект менее релевантен, чем аспект функциональный. Более того, для полноты картины нельзя не упомянуть таких персонажей, как змей, чаклун (с. 144, ср. с. 149) или облакопрогонник (обычно это мужские роли, хотя в ряде случаев функции этих мифологических персонажей могут быть делегированы как мужчинам, так и женщинам, см. с. 129).

В подразделе, посвященном персонификациям души, доли и смерти, привлекает внимание свидетельство, зафиксированное в конце XIX в. П. Ивановым на Слобожанщине: ангел-хранитель («доля») учит всяким премудростям младенца, пребывающего в утробе матери; но перед самым рождением ангел дотрагивается пальцем до верхней губы ребенка, в результате чего над верхней губой образуется ямочка, а младенец забывает все, чему его учили (с. 198). Рассматривать это поверье (зафиксированное однажды на Слободской Украине и периодически встречающееся у карпатских русинов) как показатель украинской традиции, на наш взгляд, не совсем корректно. Скорее всего перед нами пример диалога культур: указанный выше сюжет восходит к еврейскому мидрашу о формировании души человека, популярному в еврейском фольклоре и известному в разных вариантах [5. Р. 58]. Учитывая развитые связи славянской и еврейской культурной традиции на территории Украины [6], можно полагать, что в редких украинских свидетельствах отразилось поверье этноконфессиональных соседей.

Что касается визуализации образа смерти в традиционной культуре украинцев (см. с. 201), то в развитие темы укажем недавнюю статью Л.Н. Виноградовой, которая может дополнить материал, представленный в книге Ю. Буйских [7].

В подразделе, посвященном персонификациям эпидемиологических болезней, анализируются традиционно женские образы Холеры, Чумы и Лихорадки. В случае с Холерой можно установить хронологический период, когда этот персонаж вошел в систему украинской низшей мифологии (впервые на Украине эпидемия холеры случилась в 1831 г.), причем исключительно

в женской ипостаси (с. 202–203). В отличие от Холеры Чума могла принимать облик мужчины — чумака, торговца солью (единичное свидетельство, записанное в 1845 г. на Тилигульском лимане) (с. 203–205). Лихорадка (Пропасниця) в отличие от Холеры и Чумы — это персонаж множественный, а многочисленные народные легенды о сестрах-лихорадках и заговоры от них тесно связаны с апокрифической книжностью (с. 205–206). Как справедливо отмечает автор, ссылаясь на современный полевой материал, народные рассказы про «старые» болезни явно идут на убыль, а если и транслируются в традиции, то лишь как свидетельства глубокой старины. В связи с этим возникает вопрос: фиксируются ли новые сюжеты (которые могла породить новая действительность) о таких опасных явлениях, как радиация, СПИД или рак? Вероятно, собирателям следует обратить внимание на такие потенциальные сюжеты.

Завершает книгу раздел, в котором представлены образцы устных рассказов о женских мифологических персонажах (с. 220–264) — опубликовано 46 текстов, героями которых стали повитуха, шептуха, ведьма, мавка/бісиця, «ходячая» покойница, русалка, Пятница/Среда/Неделя, болезнь, смерть). Записи сделаны автором и ее коллегами по экспедициям в Хмельницкой, Житомирской, Ровненской, Волынской, Киевской, Одесской, Запорожской, Херсонской, Николаевской, Черкасской, Черновицкой, Ивано-Франковской, Донецкой областях и в Автономной Республике Крым. Выборка дает возможность судить об ареалах бытования и о региональных особенностях основных сюжетов и мотивов, связанных с женскими мифологическими персонажами. Среди наиболее интересных мотивов отметим следующие: повитуха видит судьбу новорожденного (с. 229–230, 116); покойная мать прилетает к детям в виде огненного змея (с. 248–249); русалка (умершая родственница) спасает бортника от процессии других русалок (с. 253–254, см. также с. 185); шофер видит на дороге женщину (св. Неделю), которая просит привезти ей платки, и, когда он привозит новые, пророчит смерть молодым людям (с. 257–258, см. также с. 212–213); девушки, идущие святить вербу, встречают женщину в черном — это Вербная неделя (с. 260); св. Неделя является морякам среди моря и укоряет их в том, что они работают

в воскресенье (с. 261). Отметим также легендарный сюжет (по классификации восточнославянских сказочных сюжетов СУС 332 *Смерть кума*), записанный в Волынской области в 2012 г., — человек пытается обмануть смерть, устроив крутящуюся кровать, но смерть все равно оказывается у него в головах (с. 263). При публикации следовало бы снабдить текст ссылкой на номер сюжета — это крайне важно для пополнения указателя восточнославянских сюжетов и мотивов (введение в научный оборот новых региональных версий).

В начале этого раздела автор касается крайне важных для современных исследований в области этнографии и фольклора проблем, говоря о собирательской и эдиционной этике и знакомя читателей с «кодексами чести» полевого исследователя, соблюдение которых в последние годы стало обязательным в Европе и США (без этого никакой устный материал не может быть выпущен в широкое обращение или опубликован).

Справочный аппарат — ценный перечень архивных и полевых источников (с. 266–273), обширная библиография (с. 274–302), указатель (совмещен предметно-тематический, терминологический, географический и именной — очевидно, это вызвано ограниченным объемом книги) — представляется совершенно нелишним для этого научно-популярного издания, он полезен специалистам, а широкого читателя ориентирует в море этнографических источников.

В заключение отметим, что работа над книгами, посвященными фольклору, традиционной культуре, обрядам и верованиям, совмещающими научный подход к материалу с доступной и интересной формой изложения, дело ответственное. Благодаря таким качественным публикациям происходит не только сохранение аутентичных форм народной культуры в современном обществе, но и популяризация научного знания о национальных традициях.

© 2019 г. О.В. Белова
E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буйських Ю. Нижча міфологія в системі традиційного світогляду українців (кінець

- XIX — початок XXI ст.). Автореф. дис ... канд. іст. наук. Київ, 2010.
2. Народная демонология Полесья (публикация текстов в записях 80–90-х гг. XX века). М., 2010. Т. 1. Люди со сверхъестественными свойствами / Сост., авторы предисловия и коммент. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М., 2012. Т. 2. Демонологизация умерших людей / Сост., авторы введения и коммент. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М., 2016. Т. 3. Мифологизация природных явлений и человеческих состояний / Сост., авторы введения и коммент. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская.
3. Христофорова О.Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М., 2010.
4. Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001.
5. Ginzberg L. The Legends of the Jews. Philadelphia, 1968. Vol. 1.
6. Туров И. Ранний хасидизм: История. Верование. Контакты со славянским окружением. Київ, 2003.
7. Виноградова Л.Н. Персонификация Смерти в фольклорной традиции восточных славян и в древнерусской иконографии // Живая старина. 2016. № 2.